

Кирилл Арнольд

Руки маньяка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Арнольд

Руки маньяка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70511818

SelfPub; 2024

Аннотация

Краткий рассказ об одном несчастном художнике, который пишет портрет женщины, которую он любил много лет, но это лишь его точка зрения, искажённая сильным психическим расстройством.

Кирилл Арнольд

Руки маньяка

Я аккуратно вёл линию кисточкой по холсту, и на белом полотне вырисовывалась изящная женская рука. Я смотрел на сидящую передо мной женщину, она была прекрасно. Её волосы были цвета спелой ржи, глаза, словно июльское небо, большие бёдра и грудь указывали на её физическое здоровье и возможность незатруднительного деторождения. С каждым движением кисти, я переносил её образ на холст, это занятие доставляло мне большое удовольствие и возбуждало лучше, чем любое порно или оголённое женское тело. Я был влюблён в свою деятельность и был готов рисовать всегда, ничего не могло отвлечь меня от написания очередного полотна, даже если вдруг мой дом загорится, я продолжу рисовать. Моей натурщицей было подруга детства – Алиса. Она сидела в шёлковом красном платье и молча позировала мне. Передо мной была словно Макошь, вышедшая из славянских преданий. Алиса честно отсидела свои 2.5 часа и ушла домой. До конца работы нужно было ещё два сеанса. Я рисовал медленно, вкладывая в каждый мазок частичку своей души.

Наступил вечер следующего дня, мы сидели с Алисой и пили вино, затем она пересела на кресло в котором позировала мне. Я снял со своей правой руки перстень, быстренько сделал растяжку пальцев, словно гитарист перед выступле-

нием и, включив тоскливый цыганский романс, взял любимую кисточку, которую я ласково называл Мари, и продолжил писать портрет. Мои руки были рождены для держания палитры и работы кисточкой. Я делал плавные движения кистью, словно брадобрей опасной бритвой. Скажу, не хвастаясь, я и бритвой владел не плохо. Лицо Алисы было бледно и не выражало никаких эмоций. А ведь в детстве, она была весёлой девчонкой, я помню, как она лихо лазила по деревьям и как быстро бегала, когда я пытался её догнать. Мне часто снятся сны из детства и почти все они связаны с моей лучшей подругой. Да, как вы могли уже понять, я был в неё влюблён. И когда она была несмышлёной девочкой (хотя мне всегда казалось, что она знала и понимала больше, чем я) и когда стала взрослой женщиной. Она никогда не испытывала ко мне ничего больше, чем просто дружба, я же был от неё без ума и поистине удивился, когда она согласилась попозировать мне. Ну, на сегодня закончено. Мне, правда, абсолютно не хочется расставаться с Алисой, но что же поделать, не запретить же её в моей комнате?

Ночь, я не мог уснуть. Я вспоминал наше любимое дерево – старый вяз, у которого, мы так любили играть в детстве. Лёжа в кровати, я двигал руками, словно плыл по озеру, в котором однажды чуть не утонул, но Алиса, которая и в плавании преуспела куда лучше, чем я, вытащила меня на берег.

На часах было около восьми, я поспал примерно три часа, разбудили меня соседи снизу, которые постоянно на что-то

кому-то жалуются и вечно с кем-то ругаются, ну не зря наверно говорят: «муж и жена – одна сатана». Эта семейка была ужасна. И вот опять, они портили столь прекрасный апрельский день спором с какой-то бабушкой, вероятно с Екатериной Викторовной, это прекрасная женщина, одна из немногих в этом подъезде, кого я рад встретить, я всегда интересуюсь у неё о здоровье, она всегда спрашивает, почему я такой худой. Ну да ладно, пора вставать. Выпив чашку кофе, я доел вчерашний рис с рыбой и стал ожидать натурщицу, сегодня было воскресенье, и она должна была прийти рано. Может предложить ей сходить в кино? Я сидел и думал о ней, когда услышал долгожданный стук в дверь. Сегодня Алиса была бледнее, чем вчера, я заметил, что с каждым днём она выглядела всё болезненней, но когда я спрашивал её о самочувствии, она говорила, что всё хорошо. Я налил ей вина и снял перстень (не знаю, зачем надевал его каждое утро), размял пальцы и мои руки вернулись к долгожданному портрету, сегодня он должен быть закончен. С холста на меня уже смотрела самая дорогая мне женщина. Она была в платье красного, словно кровавого, цвета. Я радовался работе и печалился о её завершении, когда меня перебил какой-то громкий звук. Это кто-то бьёт в дверь. В мою дверь! Я положил палитру и Мари, по привычке надел на палец кольцо и быстро зашагал к входной двери, но как только я подошёл, дверь вышибли и в коридор вбежали какие-то вооружённые люди. И вот я уже лежал лицом в пол и на меня надевали наручники. Лю-

ди пошли дальше, в мою комнату. Я, испугавшись за Алису, закричал:

– Не трогайте её, она не при чём! – я, правда не знал, при чём тут и я.

– Она тут! – прокричал один из тех, кто пошёл в комнату.

– Уносите этого – был отдан приказ и меня повели на улицу, где уже ждал автомобиль.

Я сидел в тёмной комнате за столом. На моих руках были наручники, перстень почему-то отобрали, но это было уже не важно, меня волновал лишь один вопрос – что они сделали с Алисой? В комнату вошла женщина в погонах. Она села напротив меня. Я молчал. У неё в руках была какая-то папка. Она начала с вопросов о том, как меня зовут, где и когда я родился и тому подобное, ответы, на которые, они очевидно уже знали. Но вот прозвучал вопрос, знаком ли я с Алисой. И тут, я не смог сдержаться:

– Что вы с ней сделали? Где она? Вы её убили?

– Нет, не мы – ответила женщина и добавила – вы, это вы её убили. Мы искали её десять дней. Её мать сказала нам, что Алиса постоянно говорила о слезке за ней каким-то мужчиной и ...

Я слушал, что она говорила, и не мог понять, что происходит, кто тот человек, что следил за Алисой и почему меня задержали, я ведь ничего не сделал, меня подставили, точно подставили.

– Зачем вы её убили – услышал я, как смертельный при-

говор.

– Что? Я? Что вы говорите, вы меня подставили, ваши люди ворвались ко мне домой и убили Алису, а теперь, я должен принять это преступление, нет! Я добьюсь справедливости, ваши палачи получат, что заслужили! Вы ответите за свой обман и убийство!

На стол были брошены фотографии моей квартиры, на них была Алиса, она, полулёжа, сидела на моём кресле, но, боже мой, её глаза, они открыты, но... они не живые. Она была в белом платье, которое впитало кровь от перерезанной шеи. Что они сделали с моей любимой женщиной...

– Зачем вы мне это показываете? Зачем вы меня пытаете? Я знаю, вы хотите свести меня с ума и навсегда отправить в психушку. Нет, у вас не получится. Я улыбался и смотрел в глаза этой ментовской мрази, а затем разрыдался.

– Заносите – сказала офицер, и полицейский занёс мою картину, почти дописанный портрет Алисы. Но что с ним? Она и тут с перерезанным горлом. Вот ироды. Женщина в форме хотела что-то сказать, но я в ужасе её перебил:

– О, боже – проговорил я – нет, нет, нет! Я закрыл своими руками лицо и больше не был в состоянии что-либо делать и говорить.

Я слышал, как передо мной отодвинулся стул, шаги, скрежет железной двери, смех девчонки, сидящей на старом вязе.